

34
Б-447

АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

БЕЛЯЕВА Лариса Ивановна

**ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ**

(середина XIX — начало XX в.)

Специальность 12.00.08 —
уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва · 1995

АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

34
Б-447

Диссертационный совет Д-052.01.02

На правах рукописи

БЕЛЯЕВА Лариса Ивановна

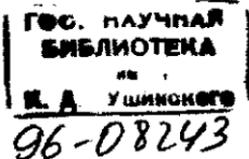
**ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В РОССИИ
(середина XIX — начало XX в.)**

Специальность 12.00.08 —
уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва • 1995

✓
Работа выполнена на кафедре
управления органами, исполняющими наказания,
Академии МВД России

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор *Миньковский Г. М.*,
доктор юридических наук, профессор *Пономарев П. Г.*,
доктор юридических наук, профессор *Туманов Г. А.*

Ведущая организация — Рязанский институт права и экономики МВД
России.

Защита диссертации состоится « ____ » _____ 1995 г., в ____ час.,
в ауд. ____ на заседании диссертационного совета по присуждению ученой
степени доктора и кандидата юридических наук Д-052.01.02 Академии МВД
России (125171, Москва, ул. -З. и А. Космодемьянских, 8).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Академии МВД
России.

Автореферат разослан « ____ » _____ 1995 г.

Ученый секретарь
диссертационного
совета Д-052.01.02
Академии МВД России
доктор юридических наук,
профессор

Д. К. НЕЧЕВИН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В деле эффективной разработки любой научной проблемы важную роль играет изучение истории вопроса, поскольку известно, что исторический подход позволяет лучше понять современные проблемы, дает возможность вычлнить закономерности развития теории и практики, трудно уловимые без ретроспективного анализа. Это относится и к исследованию проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, их исправления и перевоспитания. Подчеркнем, что данная тематика всегда привлекала внимание специалистов в области права, управления, педагогики и других отраслей научного знания. Однако среди этих работ трудно выделить те, которые посвящались бы истории вопроса, развитию специальных заведений для несовершеннолетних в России в XIX — начале XX веков. В работы по проблемам исправления и перевоспитания несовершеннолетних лишь иногда включались отдельные сюжеты из истории этого дела, но целостного представления о его правовых, организационных и педагогических основах в указанный период они не дают.

За длительный, более чем полувековой период в общественном мнении, да и в научном мире, сложилось представление о том, что в России в XIX — начале XX веков в отношении несовершеннолетних осуществлялась лишь карательная политика, отличавшаяся крайней жестокостью, что никаких специальных мер воспитательного и предупредительного характера в отношении этой категории осужденных не применялось, они отбывали наказание в виде лишения свободы, содержались под стражей во время следствия только в тюрьмах и вместе со взрослыми, что участие общественности в деле воспитания несовершеннолетних правонарушителей было вовсе исключено, так как в этом вопросе Россия была замкнутой и отсталой страной. Эти взгляды верны лишь отчасти, но в большей степени ошибочны.

Беспристрастное изучение архивных материалов, работ по проблеме показывает, что многие из создаваемых в настоящее время конструкций, учений и концепций имеют аналоги в прошлом. Например, такие сегодняшние, несомненно, прогрессивные новеллы, как отпуск из мест лишения свободы к род-

ственникам (а в те времена — даже к благонадежным знакомым и друзьям), ресоциализация освобожденных из мест лишения свободы, раздельное содержание подследственных несовершеннолетних от взрослых и т. п. применялись и, надо сказать, довольно успешно еще в XIX веке как в России, так и за ее пределами. Причем наши предшественники в решении ряда вопросов значительно опережали нас: в организации особого судопроизводства в отношении несовершеннолетних, в исключении из жизни исправительных заведений для несовершеннолетних элементов тюремного быта, организации труда педагогов, организации помощи освобождаемым из мест заключения и, как ни странно, привлечении общественности к участию в воспитании несовершеннолетних правонарушителей и пр. В связи с этим актуальным представляется непосредственное исследование отечественного и зарубежного опыта разрешения этих и связанных с ними вопросов в разные исторические периоды, поскольку это имеет важное непреходящее значение не только для юридической науки, но и правоприменительной деятельности.

Закономерно, что наши предшественники сталкивались с теми же проблемами, что и современники: трудновоспитуемость, беспорядки в колониях, рецидив и пр. Изучение опыта тех лет, обобщение его и выводы, сделанные на этой основе, могут быть использованы и сегодня.

В развитии прогрессивных идей исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей бывали сложные периоды, спорные и нерешенные вопросы, знание которых может позволить избежать ошибок в настоящем и будущем, и, наоборот, все прогрессивное, что в свое время было отвергнуто и забыто, и лишь теперь обретает новую жизнь, способно обогатить последующее развитие теории и практики.

Прогрессивными деятелями в прошлом было выдвинуто немало плодотворных идей, связанных с исправлением и перевоспитанием несовершеннолетних правонарушителей. Критическое осмысление этого может способствовать повышению профессиональной культуры сегодняшнего сотрудника воспитательно-трудовой колонии, предостережению от узкоутилитарного подхода к вопросам практической деятельности.

К сожалению, ряд интересных идей правового, организационного и иного характера не были реализованы в свое время вследствие первой Мировой войны, а позже и вовсе забыты из-за последовавших затем событий, «прервавших связь времен». Но закономерности объективного развития заставляют нас обращаться к прошлому, его опыту, мудрости, ошибкам, чтобы избежать их в настоящем. Нерешенные вопросы нашего времени пробуждают особый интерес к урокам прошлого, которые можно извлечь.

Появление в последнее время серии работ Е. М. Гилярова, М. Г. Деткова, С. И. Кузьмина и др. по вопросам истории органов, исполняющих наказания, свидетельствует о возрастающем интересе к исследованию этой проблемы, к стремлению восполнить пробелы в знании, изучению и освоению имеющегося опыта, практической потребности в этом. Прикладное значение истории дела, профессии состоит в том, что она является мощным средством формирования как общего, так и профессионального мировоззрения. Обращение к опыту прошлого необходимо, с нашей точки зрения, еще и потому, что процессы, происходящие в общественной жизни в настоящее время, включая и реформирование уголовно-исполнительной системы, сходны своей подвижностью, переменчивостью с теми, которые в исследуемый период имели место. Следовательно, применительно к аналогичным условиям, с учетом современного развития, можно использовать и достижения тех лет.

Степень научной разработанности проблемы организации исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в России в середине XIX — начале XX веков нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, невозможно не отметить богатства и разнообразия научных и иных источников по данной проблеме, а с другой, — она остается не изученной, до конца не понятой и не оцененной. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что имеющаяся по исследуемой проблематике основная литература, доступ к которой до последнего времени был затруднен, относится именно к рассматриваемому периоду.

В советский период первые работы, в которых авторы так или иначе обращались к дореволюционному опыту решения названной проблемы, немногочисленны и относятся к 20-м годам. Это труды Н. П. Гришакова, В. И. Куфаева, П. И. Люблинского, С. В. Познышева, Б. С. Утевского, С. Т. Шацкого. И хотя указанные сочинения имеют большую значимость, они не раскрывают существа явления до конца, так как касаются лишь отдельных его сторон. Некоторый интерес к проблеме сохранялся примерно до 30-х годов, а затем в силу известных причин он постепенно угас.

В литературе 40—50 гг. можно отметить лишь единичные работы Р. С. Аш, О. В. Казаковой, В. И. Куфаева, в которых содержатся попытки позитивных оценок имевшегося в прошлом опыта исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. К этому же периоду относится и крупнейшее исследование М. Н. Гернета по истории мест заключения царской России, в котором автор показывает и положение детей в тюрьмах. Однако вопросы, связанные с организацией и деятельностью исправительных заведений для несовершеннолетних, здесь не затрагиваются.

Начиная с 60-х годов отмечается пробуждение научного интереса к вопросам исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Появляется много интересных исследований педагогического и юридического характера, посвященных вопросам преступности несовершеннолетних, деятельности специальных учреждений для них. Это работы М. А. Алемаскина, З. А. Астемирова, Ю. В. Гербеева, К. Е. Игошева, О. В. Неровни, Г. М. Миньковского и др. Однако вопросы истории в них практически не затрагивались, за исключением работ Ю. В. Гербеева.

70-е годы в поисковом, исследовательском отношении являются чрезвычайно насыщенными и результативными. В этот период появляется много новых имен и научных работ, связанных с изучением различных сторон деятельности учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Это работы В. К. Андриенко, З. А. Астемирова, Ю. В. Гербеева, Э. И. Дранищевой, А. П. Кондусова, Л. И. Маленковой, Л. С. Халдеева, А. В. Шамиса и др. Однако в них рассматриваются в основном вопросы современности, а не далекого прошлого. Лишь попутно, при рассмотрении затронутых проблем, авторы (например, В. А. Андриенко, Л. И. Маленкова) обращаются к историческому опыту. Наиболее значительным и, пожалуй, первым, в котором предпринималась попытка общего анализа и осмысления исторического опыта, было исследование Ю. В. Гербеева. Здесь автор обращается к анализу некоторых особенностей педагогического процесса в исправительных заведениях несовершеннолетних правонарушителей в России в XIX — начале XX в. И хотя в работе затрагиваются лишь общие вопросы, тем не менее это исследование представляет интерес для изучения постановки дела в прошлом.

Исследователи 80-х годов при изучении проблем современности в области организации исправления и перевоспитания несовершеннолетних обращаются к дореволюционной практике как факту, имевшему место в историческом прошлом, но анализа не дают. Некоторые первоначальные попытки этого были сделаны И. П. Башкатовым и М. П. Фицулой. Однако эти авторы вслед за Ю. В. Гербеевым, О. В. Казаковой и В. И. Куфаевым сосредоточили свое внимание на деятельности А. Я. Герда. Конечно, с ними нельзя не согласиться в том, что заслуги А. Я. Герда в деле исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей несомненны и бесспорны, но целостного представления об организации этого дела, его основ, глубокого анализа в работах этих авторов, к сожалению, не дается. К тому же в них сохраняется, на наш взгляд, традиционно тенденциозный подход к оценке прошлого.

В ряде работ последнего времени отмечаются единичные фрагменты исторического характера, связанные с вопросами исправления и перевоспитания несовершеннолетних, либо они

косвенно касаются этого. Это имеет место в работах С. А. Завражина, В. И. Игнатенко, В. Н. Машкова, О. В. Филимонова, М. Н. Фицулы и др.

Примечательно, что попытки обращения к опыту воспитания несовершеннолетних правонарушителей отмечаются в основном в исследовании педагогического характера. Надо признать, что и они остаются реализованными не полностью. В юридической же литературе это отмечается лишь штрихами, что не исчерпывает многогранной и многоаспектной проблемы. Среди работ в области исправительно-трудового права нет по сути дела ни одного исследования, специально посвященного изучению и обобщению исторического опыта становления и развития правовых и организационных основ деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних, существовавших в XIX — начале XX в.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что эта проблема и с точки зрения права, и с точки зрения педагогики до настоящего времени остается «белым пятном». Богатство исторического опыта в этой области и незначительное количество работ, в которых нашли бы отражение вопросы исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в прошлом, обусловили выбор темы и предопределили ее комплексный, межотраслевой и междисциплинарный характер.

Объект исследования. В качестве такового выступает совокупность общественных отношений, возникавших в процессе реализации норм уголовного права, регламентирующих исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних в середине XIX — начале XX в.

Предмет исследования — правовые, организационные и педагогические основы становления, развития и деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду становления и развития исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России: 1864—1917 гг.

Географические рамки. Исследованием охвачена деятельность указанных исправительных заведений, находившихся на территории России в рамках ее границ до 1917 г., когда Польша, Финляндия, Прибалтийские государства, Средняя Азия, Закавказье являлись составной частью Российской Империи.

Фактологические рамки исследования. В работе рассматривается деятельность относительно большого количества исправительных заведений (более 80), многие из которых просуществовали от 20 до 50 лет. Понятно, что одно и то же заведение за это время могло изменить созданную в нем систему воспитания, даже утратить ее, приобрести и растерять положительный опыт, достичь расцвета или быть погубленным. Оно могло быть примером то положительных, то отрицательных на-

правлений деятельности. Это было связано с обстоятельствами материального характера, количеством детей в заведении, наличием и уровнем подготовки персонала и т. п. Однако здесь не рассматриваются тенденции каждого заведения, система работы всех передовых деятелей исправительного воспитания, а делается лишь попытка анализа и оценки общего положения дела, и во внимание принимаются наиболее показательные для данного времени направления. Необходимо также иметь в виду, что любое из заведений не могло строить свою работу только в позитивном или только негативном направлении. Они переплетались, дополняя друг друга, оттеняя и проявляя закономерности в деле исправительного воспитания.

Настоящая работа выполнена с целью выявления, обобщения и анализа исторического отечественного опыта становления и развития в середине XIX — начале XX в. правовых, организационных и педагогических основ деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей, определения на этой основе новых концептуальных подходов к оценке их деятельности, обнаружения наиболее значимого как для истории, так и для современности.

Задачи исследования:

— проследить процесс становления и историю развития исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей;

— показать особенности формирования правовых основ организации и деятельности этих заведений;

— охарактеризовать правовые и организационные основы деятельности указанных заведений;

— определить и проанализировать основные средства исправления и перевоспитания несовершеннолетних;

— изучить особенности организации постпенитенциарной работы;

— выявить теоретическую и практическую значимость накопленного опыта для современной уголовно-правовой и пенитенциарной науки, правотворчества и правоприменительной деятельности;

— опираясь на результаты исследования, выявить и определить возможности и рамки использования отечественного опыта в современных условиях.

Методология и методика исследования. Общую методологию исследования составляет аксиологический подход. В основу конкретной методологии положены принципы единства исторического и логического в познании, системного подхода и системного анализа. Таким образом, методологию исследования составляют общепhilosophические принципы диалектики и специальные методы познания: систематический, формально-юридический, социологический. Исследование проводилось посредством

вом логико-теоретического, исторического методов с применением анализа правовых актов.

Анализ и оценка исторического опыта, деятельности отдельных лиц осуществлялись на основе не формационного, а цивилизационного подхода, сформулированного и заложенного русским ученым Н. Данилевским и развитого в трудах А. Тойнби и О. Шпенглера.

При подготовке работы изучена литература по философии, истории, теории государства и права, государственному праву и управлению, уголовному, исправительно-трудовому праву, криминологии, уголовному процессу, истории и теории педагогики, социологии, социально-политической истории. Для ее анализа с целью решения поставленных задач согласно принципу адекватности цели и предмета исследования были выбраны методы контент-анализа, систематизации, обобщения, сопоставления.

Достоверность исследования обеспечивается применением общеправовых и общенаучных методов использования достаточно большого количества архивных материалов.

Терминология исследования. В работе сохранен язык времени, терминология, используемая в рассматриваемый период, вследствие отсутствия аналогов в современном русском языке. Так, в то время широко употребляемыми были термины: «порочный», «преступный», «нравственно-запущенный», «нравственно-испорченный» несовершеннолетний. В работе анализ этих проблем опущен, поскольку это выходит за рамки исследования, а указанные понятия используются нами как синонимы в значении «воспитанник», «питомец» исправительного заведения.

Наиболее распространенными в то время специальными заведениями для несовершеннолетних правонарушителей были земледельческие колонии и ремесленные приюты, но, кроме этого, в некоторых местах имелись специальные убежища, общежития, школы. Все они по тексту, как правило, именуются заведениями или учреждениями.

В работе сохранены особенности терминологии и стиля цитируемых и излагаемых документов и материалов. Здесь могут иметь место неточности и неполнота статистических данных, которые происходят из архивных источников.

Комплексный, многоотраслевой и междисциплинарный характер исследования с объективностью предполагал вовлечение в научный оборот разнопрофильных традиционных и нетрадиционных источников. В нем использованы неизвестные, либо мало известные документы: протоколы заседаний, отчеты, периодика.

Использованная при написании работы литература разнообразна. Это источники, содержащие характеристику эпохи (М. С. Авербах, А. С. Ахизер, В. А. Левянов, С. С. Остроумов и др.); источники по вопросам уголовной ответственности

и исполнения наказания (Б. В. Виленский, В. Д. Меньшагин, Е. А. Скрипилев, М. Г. Детков, С. И. Кузьмин, М. А. Стручков, Ю. М. Ткачевский), а также деятельности ВТК, исправления и перевоспитания несовершеннолетних осужденных (З. А. Астемиров, Ю. В. Гербеов, А. В. Шамис и др.).

Необходимо подчеркнуть, что в литературе советского периода, современной литературе не было специального монографического исследования, посвященного вопросам становления специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в досоветский период, особенностей организации их деятельности, изучения их правовых и педагогических основ.

Важнейшим источником изучения проблемы являлись нормативные акты различной юридической силы, изданные в эпоху судебных реформ и начале XX века по вопросам исполнения наказания в отношении несовершеннолетних правонарушителей, организации их исправления и перевоспитания, предупреждения преступности.

Многогранным, поистине неисчерпаемым источником по теме исследования, служили материалы Международных пенитенциарных конгрессов, Международного Союза криминалистов, Съездов Международных конгрессов патроната, съездов по борьбе с торгом женщинами, по общественному и частному призрению, российских съездов русской группы Международного Союза криминалистов, представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних, деятелей суда для несовершеннолетних, по общественному и частному призрению, семейному воспитанию, кустарному и ремесленному образованию и др.

При написании работы использовались отчеты Министерства внутренних дел и Министерства юстиции России за период с 1862 г. по 1912 г., Главного Тюремного управления, в разное время входившего в состав Министерства юстиции и Министерства внутренних дел (отчеты за 1882—1915 гг.). В этих документах содержится богатый материал, характеризующий нормотворческую и правоприменительную деятельность ведомств, организационные формы влияния на пенитенциарную практику вообще и на развитие и состояние дел в исправительных заведениях для несовершеннолетних в частности.

Неисчерпаемый, богатейший материал фактического, а в ряде случаев теоретического характера содержится в отчетах о деятельности самих исправительных заведений. Многие из отчетов составлены вдумчиво, на основе глубокого понимания и знания существа дела, с анализом, статистическими исследованиями и выводами, и сами по себе в ряде случаев они являются научными трудами. Нами изучены и проанализированы ежегодные отчеты более 100 исправительных заведений и обществ, их учредивших, за период с 1864 г. по 1916 г. Важные для исследования сведения получены из отчетов Обществ

патроната, которые занимались вопросами организации постепенной работы с вышедшими из исправительных заведений и мест заключения. Всего автором изучены отчеты и сведения более чем о 130 обществах за период с 1878 г. по 1917 г.

Большую ценность для изучения проблемы представили различные статистические материалы, касающиеся преступности. Такие, например, как «Свод статистических сведений по делам уголовным» за период с 1872 г. по 1912 г.

Круг источников, содержащих те или иные фактические данные, чрезвычайно многообразен и богат. И это само по себе может быть самостоятельной темой исследования.

Пониманию существа вопроса помогло изучение работ того времени, в которых так или иначе затрагивались вопросы ответственности несовершеннолетних, организации их исправления и перевоспитания, превентивной деятельности. Соискатель отмечает работы следующих авторов: М. Гернет, Д. Дриль, В. Есипов, А. Кистяковский, Н. Неклюдов, С. Познышев, Н. Таганцев, П. Люблинский, И. Фойницкий и др.

Значимыми для исследования явились работы практиков, организаторов дела исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей: Е. В. Антонова, М. П. Беклешова, Е. М. Баранцевича, Н. И. Верещагиной, А. Я. Герда, Д. В. Крайнского, Н. Ф. Лучинского, Ф. Н. Малинина, В. В. Микляшевского, В. Н. Никитина, Н. А. Окунева, А. С. Потемкина, П. А. Ровинского, Н. Г. Тальберга, Д. Г. Тальберга, А. Д. Ушинского, А. А. Фидлера, В. А. Фидлера, М. В. Шимаковского.

Много внимания вопросам преступности несовершеннолетних, а также их исправлению и перевоспитанию уделяла периодическая печать XIX—начала XX века. Опубликованный в различных журналах и газетах материал активно использовался в ходе исследования. Нельзя не обратить внимания на открытость проблемы: систематически в печати давались сведения о деятельности Главного Тюремного управления и исправительных заведений, помещались их ежегодные отчеты или обзоры, критические отзывы и замечания, статистические сведения. В настоящем исследовании использованы материалы, опубликованные в газетах более чем 50 наименований и в журналах более чем 150 наименований за период с 1845 г. по 1917 г.

Другую большую группу источников, по своей важности занимающих особое место, составляют архивные документы, абсолютное большинство которых впервые вводится в научный оборот. В диссертации использованы документы и материалы государственных архивов — Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Ростовской области, Государственного архива Томской области, Государ-

ственного архива Российской Федерации (Москва), Исторического государственного архива Ленинграда, Центрального исторического архива Башкирской ССР (Уфа), Центрального государственного исторического архива Москвы, Харьковского областного государственного архива, Государственного архива кино-фотодокументов (Москва), Музея ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Научная новизна исследования состоит в том, что здесь впервые автор предприняла попытку комплексного исследования истории становления и деятельности в дореволюционный период специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. На основе литературных источников, документов и архивных материалов, которые редко использовались исследователями либо вообще ранее не вводились в научный оборот, установлены хронологические рамки возникновения специальных заведений для воспитания несовершеннолетних правонарушителей, обобщен и критически оценен опыт деятельности этих заведений; с концептуально новых позиций проанализированы правовые, организационные педагогические основы их деятельности; показана роль общественности в деле воспитания несовершеннолетних правонарушителей; выявлены положения, сохраняющие актуальность и в настоящее время.

В диссертации впервые представлена в достаточно полном объеме история возникновения, особенности развития и деятельности специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. Поэтому научная новизна работы и определяется неизученностью данной проблемы, определенной ломкой стереотипов в оценке прошлого, аксиологическим подходом к рассмотрению исторического опыта. Новизна исследования заключается также в том, что здесь впервые предпринята попытка научного осмысления накопленного опыта, его значения и особенностей.

Работа представляет собой крупное монографическое исследование теоретических и практических проблем развития и деятельности специальных заведений, созданных в России в XIX веке и сформировавшихся как самостоятельный институт исполнения наказания в отношении несовершеннолетних осужденных.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что в нем определены истоки и хронологические рамки зарождения и формирования в России специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей; обобщен, изучен и с аксиологических позиций оценен отечественный и зарубежный опыт, накопленный в XIX — начале XX в. в области исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, организации их постпенитенциарного воспитания; вклад российской пенитенциарной науки и практики, уголовного и уголовно-процес-

суального законодательства середины XIX — начала XX вв. в международный опыт превентивной деятельности и мировую культуру.

Данное исследование открывает новую страницу в истории уголовного и исправительно-трудового права, криминологии, формирует новые ценностно-ориентационные, телеологические и гносеологические подходы к оценке правотворческой и правоприменительной деятельности российского государства в середине XIX — начале XX в., относящейся к исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних осужденных, а также деятельности специальных учреждений, непосредственно осуществляющих его.

Настоящее исследование обогащает имеющиеся знания о предмете, позволяет переосмыслить практику наших «предков», соотнести ее с современностью и по-новому на нее взглянуть.

Прикладное значение работы состоит в том, что основные положения и выводы, сделанные в данном монографическом исследовании, могут быть использованы: для создания учебников по истории уголовно-исполнительного права, органов, исполняющих наказания, пенитенциарной педагогике; для обогащения соответствующих разделов имеющихся учебников; для проведения дальнейших исследований в области исторических, юридических, педагогических, социологических и других общественных наук по вопросам изучения и возможностей использования исторического опыта, накопленного в XIX — начале XX в. в организации превентивной деятельности, исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, их социальной адаптации; для разработки нормативно-правовых актов различного характера, регламентирующих указанную деятельность.

Материалы исследования представляют интерес для профессиональной подготовки кадров системы МВД, а также юристов, педагогов, психологов в учебных заведениях России и могут быть использованы в преподавании уголовного права и процесса, пенитенциарной педагогике, уголовно-исполнительного права, при подготовке учебных пособий, лекций, спецкурсов.

Непосредственно практическая ценность диссертации состоит в том, что ее материалы являются значимыми для воспитательно-трудовых колоний и могут быть использованы в деле их создания и организации деятельности.

Апробация и внедрение результатов исследования. Комплексный, межотраслевой и междисциплинарный характер исследования обусловил различные формы апробации и внедрения его результатов.

Материалы исследования использовались компетентными органами России при разработке законопроектов, затрагиваю-

щих вопросы исполнения наказания в отношении несовершеннолетних и организации их социальной адаптации после освобождения из ВТК.

Материалы диссертации использовались в деятельности отдела воспитательно-трудовых колоний ГУИН МВД РФ при подготовке нормативных и методических документов.

Положения и выводы диссертации используются в Академии МВД РФ при преподавании курсов: «Управление органами, исполняющими наказания», «Организация исправления и перевоспитания осужденных», «Исправительно-трудовое право», «Социально-педагогические основы исправления и перевоспитания осужденных».

Автором исследования разработана учебная программа по «Правоведению» для студентов специальных факультетов пединститутов, осуществляющих подготовку педагогов для работы с детьми-правонарушителями. В Коломенском педагогическом институте прочитан спецкурс «Организация исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX — начало XX в.)», разработанный по материалам диссертаций.

Основные положения и выводы исследования докладывались на научно-практических конференциях различных уровней, затрагивающих проблемы уголовного, исправительно-трудового права, исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей, деятельности ВТК: УВД Белгородской области 1985—1994 гг.; Белгородская ВШ МВД РФ — 1994 г.; Уфимская ВШ МВД РФ — 1995 г., а также в выступлениях перед личным составом и слушателями Академии МВД РФ, Томского филиала РИПК работников МВД РФ, слушателями Белгородской ВШ МВД РФ, Астраханской ССШ милиции, студентами Белгородского педагогического института им. М. С. Ольминского, Международной высшей школы (Москва), Международного университета природы, общества и человека «Дубна», сотрудниками УВД Белгородской области, сотрудниками ВТК.

Материалы, содержащиеся в диссертации, освещались в выступлениях автора по центральному и региональному телевидению и радио.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Специальные заведения для несовершеннолетних правонарушителей как места лишения свободы сформировались в России в конце XIX в. под влиянием социально-экономических преобразований, происходивших в стране, международного опыта в этой области и мощного общественного движения за декриминализацию несовершеннолетних, гуманизацию исполнения наказания, реализацию идей воспитания и развития личности несовершеннолетних правонарушителей.

2. Новый концептуальный подход к оценке накопленного в середине XIX — начале XX в. опыта организации деятельности специальных учреждений, предназначенных для исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, заключающийся в выявлении прогрессивных тенденций и факторов, способствующих позитивным результатам, а также осмыслению и оценке негативных явлений, их истоков и последствий.

3. Определение места и роли специальных исправительных заведений в исполнении наказания несовершеннолетних в середине XIX — начале XX в., значения в превентивной деятельности.

4. Анализ, оценка сложившихся к началу XX в. и синтезированных в себе прогрессивные идеи гуманизации исполнения наказания, зародившиеся в XIX в., правовых основ деятельности заведений для несовершеннолетних правонарушителей.

5. Особенности и закономерности организационных основ деятельности заведений, которые зародились в первой четверти XIX в., для несовершеннолетних правонарушителей.

6. Положение о связи зарождения, формирования и реализации педагогических основ исправления несовершеннолетних правонарушителей с активным общественным движением и деятельностью его конкретных представителей (М. П. Беклешова, Я. И. Герда, А. Я. Герда, Д. А. Дриля, Д. В. Краинского, Н. В. Рукавишникова, К. В. Рукавишникова, Н. К. Рукавишникова, Н. С. Таганцева, И. Т. Тарасова и др.).

7. Институт патроната как самостоятельная форма социальной адаптации несовершеннолетних на разных стадиях уголовного процесса, исполнения наказания и после освобождения из исправительных заведений.

8. Оценка вклада российской пенитенциарной науки и практики, уголовного и уголовно-процессуального законодательства XIX — начала XX в. в отношении несовершеннолетних с девиантным поведением в отечественный и международный опыт их исправления.

9. Выводы и предложения о возможности, необходимости и пределах использования отечественного опыта, накопленного в XIX — начале XX в., по организации исполнения наказания в отношении несовершеннолетних.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения, изложенных на 436 страницах машинописного текста, а также списка литературы и 9 приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, методология и методика исследования, отмечается теоретическая и практическая зна-

чимость результатов исследования; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе — «Эволюция дела исправительного воспитания в России и его правовых основ» — рассматривается история зарождения и развития в России исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей и формирование правовых основ деятельности этих учреждений.

Автор отмечает, что организация исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в литературе XIX века именовалась делом исправительного воспитания. Оно осуществлялось в рамках норм уголовного права. Соответственно этому теоретические вопросы разрабатывались наукой уголовного права, которая начала развиваться в России в конце XVIII в.

Одним из важных вопросов, исследовавшихся наукой уголовного права XIX века, был вопрос об ответственности и наказании несовершеннолетних, что было связано с существенными изменениями традиционной системы взглядов и подходов к преступлению и наказанию, развитием идей исправления, а не устрашения. Разумеется, не оставались без изменения в этой связи и несовершеннолетние правонарушители. Вопросы об их конфликтах с обществом, воспитании и исправлении с необходимостью требовали ответа. К их разработке обратились такие крупные ученые, как А. Богдановский, Н. Таганцев, А. Кистяковский, Д. Дриль и др.

Совершенно новым для российской науки и практики был вопрос о создании специальных учреждений для содержания и воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Не имея в этой области собственного опыта, российские специалисты обратились к изучению западного.

Идеи и первые попытки организации воспитания беспризорной, порочной и преступной молодежи на Западе относятся к XVI веку. В этот период в Германии, Голландии были приняты первые шаги к учреждению специальных заведений для таких детей. В создаваемых заведениях содержались как дети, совершившие преступления (их называли порочными), так и дети непорочные, т. е. не совершившие ничего предосудительного и нуждавшиеся лишь в крове и воспитании. В течение XVII—XVIII веков подобные заведения возникают в разных странах: Италии, Франции, Швейцарии. Предпринимаются попытки создания и заведений, предназначенных только для детей, совершивших преступления, т. е. мест лишения свободы для несовершеннолетних преступников.

Первые шаги к организации заведений воспитательного характера для детей-правонарушителей были сделаны, как известно, И. Песталоцци, который в 1775 г. на передовых педагогических принципах устроил земледельческий приют для заброшенных, порочных и преступных детей. В основе их вос-

питания у И. Песталоцци лежала любовь к детям, проявление заботы о них самих, их интересах, труд. Идеи И. Песталоцци оказали влияние на деятельность аналогичных учреждений различных стран.

В XIX веке под влиянием общественного движения за реформу действующего законодательства, изменения отношения к детям, совершившим преступления, специальные заведения для них распространяются во многих странах: Англии, Америке, Германии, Дании, Испании, Италии, Новой Зеландии, Норвегии, Португалии, Франции, Швейцарии, Швеции. Отличительной чертой являлось то, что все они были делом частной инициативы, и лишь во второй половине XIX в. государства и правительства обращают свое внимание на деятельность этих учреждений. В ряде государств издаются законы, которыми определяются принципы устройства таких заведений, порядок их деятельности, формы участия общественности и государства в этом деле. Так, во Франции такой закон был принят в 1850 г., в Англии — в 1854 и 1866 гг., в Германии — в 1878 г. Системы воспитания в заведениях складывались под влиянием различных факторов, в том числе и традиций, географии страны.

Время и опыт определили лучшие среди западных исправительных заведений, которые получили всемирную известность и признание, стали образцом для вновь создаваемых: в Англии — Редгильская колония, во Франции — Мэттрейская, в Германии — «Суровый дом» и «Ам-Урбан», в Швейцарии — Бехтеленская колония, в Голландии — Нидерландское Меттре, в Северо-Американских штатах — Ланкастерская исправительная школа (штат Оро).

Активные поиски наилучших направлений работы с несовершеннолетними правонарушителями обращали внимание российских энтузиастов к международному опыту в этом деле. Исправительные заведения в России создавались с его учетом и использованием, что было распространенным правилом не только в России, но и в практике других стран. К изучению западного опыта организации исправительного воспитания обращались: Е. Альбицкий, К. И. Ануфриев, А. М. Богдановский, О. О. Буксгевден, Д. А. Дриль, А. Ф. Кистяковский, П. И. Любинский, С. В. Познышев, П. П. Пусторослев, А. М. Рубашева, Я. Х. Сабинин, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, А. Г. Ширген и др.

Диссертант отмечает, что в общем мировом процессе, направленном на конструирование специальных организационных форм воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, Россия не была ведущей, но было бы неправильным относить ее к числу совершенно отсталых стран в области теории, нормотворчества, правоприменения, осмысления и анализа имеющегося опыта.

06-08243

В дореволюционной России этот процесс шел своеобразно, отражая особенности социально-экономического, политического, культурного, промышленного, образовательного развития.

Первые сведения о мерах, принимаемых российским государством к воспитанию нравственно-испорченных детей, относятся к XVII веку, становление и развитие специальных заведений для воспитания несовершеннолетних правонарушителей происходило в XIX в.

Принято считать, что относящиеся к 1828 г. (Н. Арепьев, Д. Дриль, А. Коротнев) первые попытки организации специальных заведений для исправления несовершеннолетних правонарушителей принадлежат прибалтийским губерниям, где сильнее обнаруживалось влияние Германии и использовался ее опыт.

На основании изученных материалов диссертант приходит к выводу, что возникновение заведений подобного рода в России относится к более раннему периоду. Как свидетельствуют документы, первая в России земледельческая колония для малолетних бродяг была открыта в 1819 г. в гомельском имении гражданина Румянцева Яковом Гердом. Позднее попытки создания специальных заведений для несовершеннолетних были предприняты вновь: 1828 г.— Варшава, 1839 г.— Рига, 1848 г.— Нарва, 1850 г.— Ревель, 1863 г.— Москва, 1864 г.— С.-Петербург. Развитие и формирование исправительных заведений в России как самостоятельного института исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних относятся к эпохе Судебных реформ.

Диссертант обращает внимание на то, что поскольку исправительные заведения являлись одним из элементов общества, следует иметь в виду, что те состояния и процессы, которые были свойственны ему как общему, неизбежно отражались и на единичном. Поэтому при рассмотрении исправительных заведений принимались во внимание состояние экономики, социальной структуры общества и те процессы, которые происходили в нем: общественные движения в рассматриваемую эпоху, форма государства, особенности правотворческой, правоприменительной и культурно-воспитательной его функций в данное время. Всем этим определялось состояние, развитие и изменение исследуемого социального явления.

Обновление русского общества, связанное с происходившими в стране во второй половине XIX в. преобразованиями, вызвало интерес, потребность в разработке вопросов просвещения и воспитания, активное общественное движение в этой области. На этом фоне внимание общества к тем, кто особенно нуждается в воспитании — несовершеннолетним правонарушителям, было закономерным явлением.

Характерной чертой являлось стремление общества к непосредственному участию в устройстве специальных заведений

для несовершеннолетних правонарушителей, организации их деятельности. Развитие дела исправительного воспитания целиком связано именно с общественной самодеятельностью. Причем общество при этом шло впереди, ему принадлежала инициатива и организация деятельности заведений для несовершеннолетних. Государство лишь поддерживало инициативу различными средствами.

Диссертант подробно рассматривает деятельность первых исправительных заведений, возникших в этот период: Московского городского Рукавишниковского приюта и С.-Петербургской земледельческой колонии, вклад в развитие дела исправительного воспитания Н. В. Рукавишникова, К. В. Рукавишникова, А. Я. Герда.

Автор отмечает, что в XIX веке политика государства в отношении несовершеннолетних преступников приобрела более мягкий, гуманный характер. В деле исполнения наказания в отношении несовершеннолетних утверждение и практическое воплощение идеи воспитания выдвинулось на первый план. Соответственно этому были поставлены в ряд первостепенных идей предупреждения преступности несовершеннолетних, вывод их из-под влияния взрослых преступников на всех стадиях уголовного процесса и исполнения наказания. Именно это имели своим назначением создаваемые исправительные заведения.

В работе исследуется юридическая природа исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей. На основании толкования действовавших в рассматриваемый период законов диссертант приходит к выводу о том, что исправительные заведения для несовершеннолетних по законодательству и терминологии тех лет являлись местами срочного заключения для несовершеннолетних, совершивших уголовно наказуемые деяния, и краткосрочного для подсудимых.

Автор обращает внимание на то, как исполнялось это наказание и мера пресечения. Здесь обнаруживается уникальное в своем роде явление: закон призывал общественность не просто к участию, а к прямому исполнению уголовного наказания, и на протяжении всего рассматриваемого периода все заведения действовали на основе общественной инициативы.

Активное общественное движение, направленное на предупреждение преступности несовершеннолетних, организацию их воспитания в специальных заведениях, возросшие потребности в социально-правовой защите интересов юных правонарушителей стимулировали правотворческую деятельность в этой области. Автор подчеркивает, что осуществляемые реформы и общие гуманистические устремления, безусловно, отразились и на характере уголовно-правовой политики, и на содержании законов. Закономерно, что в это время появляются и специальные законы о несовершеннолетних как результат раз-

вития гуманистических идей: Закон об исправительных приютах (1866 г.), Закон об особом судопроизводстве в отношении несовершеннолетних (1897 г.), Закон о воспитательно-исправительных заведениях (1909 г.) и др. Здесь проявляются те же тенденции и стремления к формированию нового человека, но в условиях, ограниченных рамками закона. Принятые законы конструировали правовые основы деятельности исправительных заведений и самостоятельные правовые институты судопроизводства и исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, благодаря чему Россия выдвигалась в число передовых.

Закон 5 декабря 1866 г. об исправительных приютах был первым в истории российского права нормотворческим актом, устанавливающим порядок учреждения и общие начала деятельности исправительных приютов. В соответствии с законом исправительные приюты должны были находиться в ведении МВД и предназначались только для детей, совершивших преступления. Заведения в законе именовались «богоугодными и общепольными», а к их учреждению призывались государственные, общественные организации и общества, частные лица, земства, духовенство (ст. 1). Призывая учреждать приюты, правительство со своей стороны сделало некоторые шаги, направленные на послабления в области налоговой дисциплины, материальную поддержку приютов.

Одной из особенностей этого закона являлось то, что он предоставлял возможность условного досрочного освобождения воспитанников, которые признавались исправившимися. Ст. 10 закона предоставляла право начальству приюта сокращать назначенный судом срок на 1/3 под условием возвращения в приют в случае дурного поведения освобожденного. Ранее условное освобождение российскому законодательству вовсе известно не было. Закон, вводя понятие принудительного воспитания, отмечал, что именно оно является целью помещения в приюты.

Закон не определял ни системы воспитания, ни мер дисциплинарного воздействия на воспитанников, кроме случаев побега из заведения (Ст. 9), чем и вызывалось впоследствии разнообразие в практической деятельности. Тем не менее общий минимум требований в организации работы с несовершеннолетними в законе был изложен (ст. 8).

В ходе создания исправительных заведений, роста их числа предпринимались попытки более полного нормативного регулирования их деятельности. С этой целью на основании ст. 5 закона разрабатывались Уставы конкретных исправительных заведений. В них каждое заведение определяло цели своей деятельности, средства достижений их, определяло категории детей, для которых предназначалось, порядок их содержания, вид трудовой деятельности, объем учебной программы, систему мер

поощрения и взысканий, порядок управления заведением и др. Такие Уставы составлялись на основе и в соответствии с другими Уставами, а именно Уставами тех благотворительных обществ, которые учреждали исправительные заведения и в подчинении которых последние находились. С 80-х годов XIX в. стали проводиться Съезды представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних, которые сыграли важную роль в совершенствовании практики и развитии законодательства о несовершеннолетних правонарушителях и исправительных заведениях для них.

Один из законов «Об изменении постановлений, касающихся обращения в исправительные приюты и содержания в них малолетних преступников» был принят 20 мая 1892 г. и внес изменения в ст. 137, 138 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (СУ, 1892, 1 полугод., ст. 665).

В соответствии с этим законом срок содержания несовершеннолетних в заведении определялся не судом, а самими исправительными заведениями и зависел от степени исправления. Законом определялись лишь границы этого срока: воспитанников можно было содержать не менее года и не более 18-летнего возраста. Некоторые из специалистов считали (и, видимо, обоснованно) такое решение отступлением от строго юридических начал исправительных и воспитательных целей. Нельзя упускать из виду и того, что критериев исправления выработано не было и они целиком зависели от усмотрения конкретных лиц, которые по-разному подходили к оценке поведения питомцев. Однако при всем этом появление закона свидетельствовало, по мнению соискателя, о заинтересованном подходе к решению возникающих вопросов, он был свидетельством поиска наилучших форм деятельности.

На деятельность исправительных заведений определенным образом повлияли и законы 2 и 8 февраля 1893 г. Так, Закон 2 февраля «О предоставлении исправительным приютам права заключения условия об отдаче выпускаемых воспитанников в наем или обучение» (СУ, 1893, ст. 300) предоставлял право начальству исправительных заведений помещать условно освобожденных воспитанников для работы и обучения к благонадежным мастерам, в промышленные заведения, на сельскохозяйственные работы. Это относилось к лицам, не достигшим 18-летнего возраста. Закон 8 февраля СУ, 1893 ст. 368 увеличивал количество категорий несовершеннолетних, которые могли быть помещены в приюты: это распространялось теперь на подследственных. Законодатель, руководствуясь стремлением оградить несовершеннолетних от развращающего влияния тюрьмы, предписывал содержание их в исправительных приютах, но отдельно от прочих воспитанников, во избежание дурного влияния уже осужденных и с применением общих постановлений о прокурорском надзоре за содержащимися под стражей.

Заслуживает внимание и то, как закон разрешал вопрос о пересылке несовершеннолетних, состоящих под следствием и судом, доставлении их в исправительные заведения. Здесь отмечалось, что несовершеннолетние при следовании в судебные места, а также в исправительные заведения могут быть препровождаемы под надзором, вместо всякой стражи, особо отряженными от приюта или колонии лиц. И хотя норма, изложенная в законе, диспозитивна, для того времени очень важной являлась как сама постановка этого вопроса, так и попытка разрешить его, пусть даже в такой форме. Принятие такого закона, даже имеющего недостатки, было определенным шагом вперед как в развитии законодательства, так и в постановке дела.

Под влиянием Съезда представителей русских исправительных заведений для несовершеннолетних преступников был разработан и принят еще один важный закон: «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», 2 июня 1897 г. (ПСЗ, 1897, № 14233). В работе дается подробный анализ этого закона, который усиливал воспитательную функцию наказания в отношении несовершеннолетних, определял ее в качестве единственно приоритетной. Это соответствовало последним достижениям и требованиям науки того времени.

Законом вводился новый, не только для Российской, но и для мировой юстиции, порядок судопроизводства в отношении несовершеннолетних (А. Бутовский, С. Викторский, В. Есилов, В. Попов, Н. Розин, Н. Таганцев, И. Фойницкий, Б. Фусс). Несмотря на наличие ряда недостатков, как в самом законе, так и затруднений, связанных с его применением, он явился значительным шагом вперед, стал важным событием в законодательстве России и во многом опередил законодательство запада.

Позднее, в первом десятилетии XX века, он послужил нормативной основой для деятельности особых (специальных) судов для несовершеннолетних преступников, которые были учреждены в 1910 г. в Петербурге, в 1912 г. — в Москве, затем в других городах. Учреждение таких судов повлекло за собой и расширение сети исправительных заведений для несовершеннолетних.

Следующим этапом в развитии законодательства о несовершеннолетних было Уголовное Уложение 1903 г., которое пошло дальше и продолжило начатые реформы: оно определило характер заведений для несовершеннолетних, называя их воспитательно-исправительными, что соответствовало духу времени и требованиям науки, ее достижениям, международным взглядам; повысило возраст несовершеннолетних, подлежащих воспитательно-исправительному воздействию — 21 год; сделало попытку дифференцировать подход к несовершеннолетним мужского и женского пола и т. д. Оно во многом сохранило главные по-

ложения законов о несовершеннолетних, принятых в конце XIX в.

Хотя Уголовное уложение сделало определенный шаг вперед в развитии законодательства о несовершеннолетних, многих вопросов не разрешило и оно. Так, не удалось повысить возраст уголовной ответственности, сторонниками чего были Н. С. Таганцев, И. И. Янжул и др. Не удалось окончательно вывести несовершеннолетних из мест заключения. Не был разрешен вопрос о порядке исполнения наказания в отношении несовершеннолетних, содержащихся в общих местах заключения, и некоторые другие проблемы.

Однако изменения в системе уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, распространение исправительных заведений требовали логического продолжения законотворческой деятельности, и 19 апреля 1909 г. был утвержден Закон о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних с объявлением Положения о таковых (СУ, 1909, отд. I, ст. 547). Это был принципиально новый для российского законодательства нормативный акт.

Положение, именуя заведения воспитательно-исправительными, определило характер заведений, именуя их воспитательно-исправительными (р. 1, п. 1), расширило круг лиц, подлежащих помещению в заведения, более четко в нем были сформулированы и условия, необходимые для этого (р. 1, п. 7). Прежде всего эти заведения предназначались для осужденных по приговорам суда. Перед заведениями ставилась и задача обеспечения исполнения мер пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении несовершеннолетних в виде заключения под стражу, т. е. они предназначались теперь и для содержания подследственных и подсудимых. Учитывая, что дети бесприютные, нищенствующие, бродяжничающие, отбившиеся от рук являются одним из источников преступности вообще и рецидивной в частности, законодатель признал возможным помещение в заведения и этих категорий детей для принудительного воспитания в целях предупреждения совершения ими преступлений (р. 1, ст. 7). Таким образом, в России, в отличие от Запада, законодательство закрепляло существование одного типа заведений, как для детей, совершивших преступления, так и не сделавших этого — воспитательно-исправительные. Они учреждались для нравственного исправления помещаемых в них несовершеннолетних и «подготовки к честной трудовой жизни».

Важным было то, что законодательно закреплялась государственная заинтересованность в укреплении и расширении сети заведений для несовершеннолетних. Для этого заведениям предоставлялись определенные льготы: для их устройства предполагалось отведение казенных земель, они освобождались от ряда налогов — с недвижимого имущества, промыслового налога, квартирного, гербового сбора, судебной пошлины и др. Были

предусмотрены субсидии на содержание воспитанников — двойная сумма по установленной таблице на каждого арестанта, на медикаменты, единовременные пособия на ремонт и т. д.

Новое Положение было первым нормативным актом, который регулировал основные вопросы внутренней жизни исправительных заведений. В нем нашли отражение основные позитивные начала, закрепленные в законах 1866, 1892, 1893, 1897, 1903 гг., которые были выработаны отечественной практикой и Съездами представителей русских исправительных заведений, а также основные идеи гуманизма, обоснованные и развитые русской наукой уголовного права.

На основании осуществленного анализа нормативных актов диссертант приходит к выводу о том, что в России к началу XX в. сформировались правовые основы деятельности специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей.

При этом диссертант констатирует, что в нормах уголовного права нашли закрепление основные прогрессивные идеи и новая политика государства в отношении несовершеннолетних преступников. Уголовное законодательство России стало иметь тенденцию к усилению охранительных и воспитательных функций в отношении несовершеннолетних, свидетельством чему являлось увеличение количества норм охранительного характера.

Вторая глава — «Исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей в России» — посвящена исследованию организационных основ их деятельности.

Автор рассматривает разновидности исправительных заведений, отмечая, что в основном они были смешанными, т. е. предназначались для содержания в них несовершеннолетних различных категорий: осужденных, бесприютных, нищих, бродяг. Сеть заведений постепенно расширялась, и если в 1892 г. их было 20, то к началу 900-х г. — около 50, к 1914 г., по официальным данным, их было 59. К 1917 г. по результатам исследования автор насчитывает более 90 различных заведений для несовершеннолетних правонарушителей.

Диссертант отмечает, что общественное стремление к предупреждению преступности несовершеннолетних, ограждению их от развращающего влияния преступной среды вызвало дальнейшие шаги по углублению селекции. Следствием этого было создание заведений для определенных категорий несовершеннолетних.

Абсолютное большинство заведений содержалось за счет средств благотворительности. Исключение составляли заведения в Твери, Тамбове, Москве, Симбирске, Саратове и некоторых других местностях, где содержались земствами и тюремными комитетами.

Зависимость от конкретных благотворителей приводила к тому, что в заведениях были различными и подходы к организации воспитательной работы. С этим же было связано и то, что все заведения были различны по количеству мест в них.

Так, С.-Петербургская колония была рассчитана на 200 мест, Рукавишниковский приют — на 120, Варшавская колония — на 170, а Елецкая и Тверская колонии — лишь на 15.

В заведениях были приняты и различные системы воспитания: семейная, казарменная, смешанная и их разновидности. Семейная система применялась в С.-Петербургской колонии, Киевской, Полтавской, Харьковском и других приютах. В основу семейного воспитания была положена идея силы личности воспитателя, его влияния на питомцев. Эта система характеризовалась обособленным размещением воспитанников в небольших домиках. В каждой семье было не более 12—15 человек.

Ряд заведений организовывали работу с несовершеннолетними на основе казарменной системы. Ее особенностями было то, что все питомцы распределялись по внешним признакам (возрасту, росту и пр.) на дивизии, роты, секции и отделения по 50—80 человек с выборными надзирателями. Свойством этой системы был воинский режим жизни: маршировки, барабанный бой, трубные сигналы, команды, субординация и пр. Казарменная система применялась в Виленской, Владимирской, Нижегородской, Кишиневской колониях, Большевоком приюте.

В России существовало два типа заведений для несовершеннолетних: ремесленные приюты и земледельческие колонии. Нередко они смешивались, образуя ремесленно-земледельческие колонии или ремесленные приюты со школами садоводства, огородничества, пчеловодства, как, например, в Воронеже, Симферополе, Харькове. Ремесленными заведениями были Рукавишниковский приют, Киевская колония и др., земледельческими — С.-Петербургская, Фидлеровская колония и др. К числу смешанных относились Роденпойская, Владимирская, Черниговская, Нижегородская колонии, Саратовский приют.

Развитие законодательства, активная разработка Съездами представителей русских исправительных заведений (начиная с VI) вопросов предупредительной деятельности, поиски новых, более совершенных, форм работы с несовершеннолетними привели к появлению исправительных заведений, имеющих свои особенности. Так, с учреждением судов для несовершеннолетних стали создаваться специальные заведения для подсудимых и подсудимых. Жизненный уклад в них, постановка воспитательной работы не отличались от тех, которые известны по рассмотренным нами заведениям.

К делу исправительного воспитания были причастны также учреждения, создаваемые Обществами патроната над несовершеннолетними, вышедшими из мест заключения. Такие приюты имелись в Петербурге, Москве, Одессе.

Исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей состояли в ведении Главного Тюремного управления.

Первоначально вся его деятельность в области исправительных заведений сводилась к регистрации их Уставов, периодическому посещению. С расширением сети исправительных заведений расширялась и компетенция ГТУ, приобретая все более разносторонний характер. Оно принимало участие в выработке новых законопроектов, составляло различные циркуляры и инструкции для исправительных заведений. В реализации попытки изучать особенности их деятельности и с целью обобщения имеющихся данных ГТУ в свои ежегодные отчеты, которые тиражировались, включило раздел «Исправительные приюты и земледельческие колонии для несовершеннолетних преступников». Поначалу в отчетах излагались просто цифровые данные, а со временем они стали сопровождаться различного рода пояснительными записками, содержащими в себе анализ обстановки и постановки дела в исправительных заведениях, некоторые выводы общего характера и соответствующие рекомендации.

В пределах имеющихся возможностей ГТУ оказывало субсидии исправительным заведениям, они не были значительными и существенно изменить положения не могли.

В 1893 году ГТУ учредило ведомственный журнал «Тюремный вестник», в котором систематически помещались материалы о деятельности исправительных заведений, нормативные акты, относящиеся к ним, статистические сведения и др.

На местах вопросы, связанные с деятельностью исправительных заведений, решали местные тюремные комитеты и инспекции.

Важную роль в развитии общих начал исправительного воспитания, выработке основных требований к организации его играли Съезды представителей русских исправительных заведений, которые и были учреждены именно с целью координации деятельности, изучения и обобщения опыта, выработки единства трактовки вопросов исправления и перевоспитания несовершеннолетних. Здесь обсуждались как вопросы теории, так и практики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних и предупреждения их преступности.

Непосредственно на местах жизнь исправительных заведений организовывалась обществами, их учредившими, директором. Для решения текущих вопросов был введен институт дежурного воспитателя. Персонал заведений строил свою работу в соответствии с Уставом заведений, инструкциями.

Анализ особенностей деятельности правительственных учреждений и общественности по созданию и организации исправительных заведений, постпенитенциарного воспитания показал, что в России исторически формировался общественно-государственный характер исправительных заведений, при котором деятельность государства выражалась преимущественно в контрольно-наблюдательных и нормотворческих функциях.

Непосредственными организаторами и участниками дела исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей государственные органы и учреждения не были. Это было и показателем того, что общественные потребности опережали экономические возможности государства, у которого не находилось средств для развития дела исправления и перевоспитания, в силу чего обществу приходилось это брать на себя. Государство, разделяя устремления общества, никак не могло поддержать их из-за отсутствия средств. Именно в этом находились истоки многих неудач.

Деятельность государственных органов и общественности в области организации исправления и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей строилась на основе разделения функций: контроль и частично финансирование, а со временем правовую регламентацию, государство в лице Министерства юстиции и Главного Тюремного управления брало на себя; инициирование, организация, практическое осуществление деятельности, преимущественное финансирование отводилось Обществам и частным лицам.

Двойственность, противоречивость происходящего отражались в том, что, с одной стороны, это сыграло свою положительную роль: отсутствие бюрократических пут давало возможность творческого поиска, гибкость в организации дела, мобильность. В то же время отсутствие материальной государственной поддержки вело к ослаблению общественной инициативы, разрушению заведений, утечке кадров, утрате накопленного опыта.

В том числе здесь отразились и негативные свойства: низкий уровень организации; слабость управленческих звеньев; медлительность в решении проблем и вопросов; слабость материальной базы и, как следствие этого, низкий уровень внешней культуры, примитивизм в деятельности, порой ее бесплодность, и пр.

Принятый в настоящем исследовании новый подход, связанный с деидеологизацией оценок общественных процессов, в том числе в области тюремного дела и работы с несовершеннолетними правонарушителями, позволил отказаться от традиционных классово-непримиримых и императивных оценок мероприятий российского государства, осуществляемых в середине XIX — начале XX в. в вопросах борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. В связи с этим не может быть однозначно принято толкование государственной политики в области исполнения наказания и воспитания несовершеннолетних правонарушителей как сугубо классовой, направленной на защиту интересов господствующего класса и основанной исключительно на беззаконии и произволе.

Результаты исследования свидетельствуют не только о конфронтации, но и о взаимодействии государственных органов и общественности, направленном на решение вопросов, связан-

ных с предохранением детей от развращающего влияния тюрем; организацией обучения и воспитания; постановкой дела пост-пенитенциарного воспитания; организацией новых форм уголовной юстиции.

В практической деятельности исправительных заведений по воспитанию несовершеннолетних правонарушителей сложились, ставшие традиционными, основные критерии характеристики правонарушителей: социально-демографические, криминологические и педагогические. Диссертантом подробно рассматриваются эти характеристики воспитанников, содержавшихся в исправительных заведениях России середины XIX — начале XX вв.

Для полноты представления о воспитанниках автор обращается как к собирательным, так и к индивидуальным характеристикам воспитанников и приводит их в работе.

Соискатель уделяет внимание вопросам качественного состава служащих исправительных заведений, организации их труда и быта, профессиональной подготовки.

Педагогический персонал определялся в заведении и увольнялся из них Правлениями, Комитетами Обществ, директором, при этом только в некоторых случаях подлежал утверждению дирекцией народных училищ и городских или уездных училищ, как, например, это было, в Рукавишниковском, Мологском приютах, Полтавской колонии.

К служащим предъявлялись определенные требования, в соответствии с которыми их и пытались подбирать.

Так, по исследованиям, проведенным в 1912 г., 40% директоров имели специальное педагогическое образование, остальные — общее. Около 10% их общего числа имели высшее образование различного профиля: военное, сельскохозяйственное и пр. При этом следует отметить, что более 50% имели опыт практической деятельности в школах, училищах, воспитательно-исправительных заведениях. 72% заведующих были в возрасте от 32 до 48 лет, при этом почти половина — от 41 до 48 лет. Младше 32 лет составляли 18%, старше 48 — 10%.

Около 25% прослужили в заведениях менее года, примерно столько же — от 1 года до 4 лет, от 4 до 11 лет — около 30%, более 11 лет — чуть больше 4%.

Важное значение придавалось кадрам воспитателей. Воспитателем мог быть, в соответствии с требованиями, человек, имеющий педагогическую подготовку. В заведении ему предписывалось вести школьные занятия (поэтому в ряде учреждений он именовался учителем-воспитателем) и распоряжаться делами своей «семьи», где таковые создавались, или воспитательной группы. В своей деятельности он был весьма самостоятельным, мог и должен был принимать решения на основе собственной инициативы. В затруднительных случаях воспитатель обсуждал интересующие вопросы на педагогическом собрании или педагогическом совете, где таковые были. Воспитатели вели днев-

ники или так называемые кондуктные списки. В них вносилось все, что могло помочь составить представление о воспитаннике. Здесь отражалось описание жизни и поведения воспитанника до направления его в заведение; состояние здоровья; особенности личности; поведение в заведении; взаимоотношения с товарищами и старшими; изменения в поведении и личности; успехи в труде и учебе; поощрения и наказания; отношение к ним и пр. Сделанные записи должны были быть такими, чтобы на их основе можно было составить характеристику. Эти сведения содержатся практически во всех отчетах о деятельности исправительных заведений и дают достаточно яркое и полное представление об особенностях воспитанников того времени.

Среди учебно-воспитательного персонала исправительных заведений преобладали люди молодого возраста: 60% — в возрасте от 20 до 35 лет, причем доля лиц в возрастном пределе от 20 до 25 лет составляла 30%. Среди них со специальным педагогическим образованием было 45%, более 2/3 прежде занимались педагогической деятельностью в исправительных заведениях, школах или состояли домашними учителями.

Однако, как показало исследование, не всегда удавалось подобрать воспитателей, которые соответствовали бы предъявляемым требованиям. В ряде случаев на должность воспитателей принимались просто грамотные люди. Иногда не удавалось подобрать и грамотных людей. И тогда воспитание осуществлялось так, как получалось. Например, в Елецкой земледельческой колонии для несовершеннолетних основные педагогические идеи осуществлялись одним малограмотным «дядькой» и неграмотным огородником.

Специалисты ощущали потребность в специальной подготовке воспитателей, видели в этом необходимость и пытались данный вопрос разрешить в зависимости от местных возможностей.

Условия работы воспитателей были различными во всех заведениях. Общим было то, что везде они не имели никаких гарантий материального характера, поскольку служба в заведениях не являлась государственной, а следовательно, она не давала права на государственное жалование и пенсионное обеспечение. Этот вопрос сохранял свою актуальность в течение довольно длительного времени и был предметом обсуждения практически всех восьми Съездов представителей русских исправительных заведений, но разрешения на них не получил.

Кроме воспитателей, в работе с несовершеннолетними участвовали мастера и надзиратели «дядьки», если они были.

В мастера принимались умелые люди без особой подготовки, владеющие каким-либо делом: переплетным, сапожным, кузнечным, столярным и пр. В ряде заведений в деле профессионального обучения имелись известные успехи, например, в Одесском, Харьковском и других заведениях. Но в целом качественный состав мастеров вызывал тревогу.

Надзор за воспитанниками в заведениях обеспечивали надзиратели, но в ряде заведений их не было вовсе, поскольку надзор здесь, в узко понимаемом смысле, не осуществлялся. Там же, где «дядьки» были, они далеко не всегда отвечали тем требованиям, которые вытекали из воспитательного характера заведений для несовершеннолетних. Практики отмечали, что поступающие на работу «дядьки» сами нуждались в исправительном воспитании, подавали дурные примеры, пьянствовали, развратничали вместе с воспитанниками, сквернословили и рукоприкладствовали (А. Дриль, М. Красовский, Р. Савенко). В некоторых заведениях искали возможности все-таки ослабить отрицательное влияние «дядек» на воспитанников и жизнь заведения в целом. Например, в Уфе институт «дядек» заменили помощниками воспитателей. Они набирались из лиц, окончивших курс училищ, дающих право работать учителем или учителем начальной школы. Рассматривался этот вопрос и в других заведениях.

В двух заведениях — Курской и Владимирской колониях — по инициативе М. С. Антиповича «дядек» заменили выборными старшими воспитанниками.

Старшие выполняли функции «дядек» в указанных заведениях, по отзывам директора, с большой эффективностью. Введение института старших, как они отмечали, способствовало созданию воспитывающей среды, без которой невозможно правильно поставленное воспитание.

В ходе практической деятельности, теоретического осмысления ее сформировались определенные требования организационного характера, от которых зависел успех дела исправления и перевоспитания: правильное распределение воспитанников по группам; оптимальное количество воспитанников на одного воспитателя; правильное соотношение педагогического и вспомогательного персонала в заведении; четкое распределение между служащими обязанностей путем изложения их в инструкциях и руководствах; создание благоприятных условий труда и быта персонала и воспитанников; специальная подготовка кадров для работы в заведениях (в том числе мастеров и надзирателей), обязательное ведение служебной документации и др.

При всех недостатках, обусловленных различными причинами и имевших место в деятельности заведений, они сыграли значительную по тому времени роль в предупреждении правонарушений несовершеннолетних, исправлении и перевоспитании их. Создание таких заведений, организация их деятельности было большим шагом вперед для того времени, являлось новым этапом в развитии института исполнения наказания в отношении несовершеннолетних и формирования нового самостоятельного направления отечественной педагогики — педагогики исправительного воспитания.

Новый подход автора к оценке организации работы по воспитанию несовершеннолетних правонарушителей позволил отказать от упрощенной трактовки мероприятий российского государства в вопросах борьбы с правонарушениями несовершеннолетних как сугубо классовых, направленных на защиту интересов господствующего класса.

Преодоление социально-классовых пристрастий в оценке революционного опыта, подход к нему с аксиологических позиций сделали возможным выявление и анализ положительных направлений, гуманистических тенденций в развитии законодательства и организации деятельности специальных заведений для несовершеннолетних, осмысление закономерностей, определяющих этот процесс, и его особенностей.

Глава третья — «Основные средства воспитания в исправительных заведениях для несовершеннолетних правонарушителей» — посвящена вопросам организации воспитания питомцев.

Правовой базой для формирования и применения основных средств воспитания несовершеннолетних правонарушителей, по мнению диссертанта, следует считать Закон об исправительных приютах (1866 г.), где в ст. 8 определялось, что воспитанники исправительных заведений обучаются Закону Божию; чтению, письму и основным правилам арифметики и другим элементарным наукам; земледельческим или ремесленным работам. В локальных нормативных актах, каковыми являлись Уставы исправительных заведений, имелись соответствующие разделы, в которых это находило отражение. Причем с накоплением практического опыта, развитием правовых основ деятельности исправительных заведений более полным и четким становилось нормативное оформление основных средств воспитания несовершеннолетних правонарушителей. Положение о воспитательно-исправительных заведениях 1909 г. содержало специальный раздел «Меры воспитательного воздействия», в котором были закреплены основные средства воспитания в исправительных заведениях (ст. 1, 22, 23). К ним относились религиозно-нравственное воспитание, элементарное (общее) и профессиональное образование, труд, режим и дисциплина, поощрения и наказания.

Важно отметить, что если законы очерчивали лишь общие контуры средств исправления несовершеннолетних, содержащихся в исправительных заведениях, то содержательная сторона раскрывалась в локальных нормативных актах, где определялись предметы преподавания, виды профессиональной деятельности, меры поощрения и наказания. Такое положение, с одной стороны, давало простор для творчества, учета конкретных условий, а с другой, устанавливало правовые рамки деятельности.

В основе средств воспитания несовершеннолетних правонарушителей было религиозно-нравственное воспитание, что

объясняется общим укладом жизни в стране, основанным на религиозном учении о нравственности (А. Гусев, П. Каптерев, Е. Медынский, Т. Мусерский, Д. Тихомиров, Н. Фаворов, И. Янышев).

Организаторами и проводниками его являлись священнослужители. Однако, по мнению автора, было бы неправильным считать, что религиозно-нравственное воспитание было делом лишь священнослужителей. В этом участвовал весь педагогический персонал, который оказывал влияние на воспитанников и своей религиозностью, и отношениями между собой, и целенаправленными мероприятиями воспитательного характера (религиозные праздники, светские вечера, спектакли, хоровое пение и пр.).

В ряде заведений (Астраханское, Варшавское, Казанское, Лифляндское, Одесское, Эстляндское) содержались воспитанники различных религиозных верований. Это обстоятельство учитывалось при организации религиозного воспитания.

Вся жизнь в заведениях, ее строй организовывались в соответствии с правилами преобладающего религиозного верования: православного, лютеранского, католического и пр. Здесь соблюдались посты, выполнялись необходимые обряды и т. д. Детям-инюверцам давалась возможность придерживаться правил своей религии. В школах заведений преподавался Закон Божий по правилам того вероисповедания, которое было господствующим в данной местности, а в некоторых заведениях (например, в Рижской, Виленской колонии и др.) — по нескольким.

Большое внимание в большинстве заведений уделялось чтению, которое могло дать детям понятие хорошей и разумной жизни, пробудить стремление к ней и самоусовершенствованию.

В заведениях создавались специальные библиотеки. Хорошие библиотеки имелись в С.-Петербургской, Киевской, Кавказской, Курской, Воронежской колониях, Казанском, Одесском, Рукавишниковском приютах и др.

В заведениях большое внимание уделялось физической культуре как средству развития смекалки, сообразительности, укрепления воли, развития различных нравственных качеств. Особое значение в этом имели подвижные игры. Кроме этого, дети под руководством взрослых занимались гимнастикой, летом плавали, играли в лапту, городки, зимой катались на коньках, а также на лыжах и салазках с гор. Так, например, активно использовались игры, физические упражнения в Воронежской, Лисинской, Уфимской и др. колониях.

Во многих заведениях большое внимание уделялось военным занятиям как средству воспитания дисциплинированности, твердости духа, закаливания воли, развития чувства товарищества и коллективизма. Здесь проводились военная гимнастика, строевые занятия, военные игры. Педагоги отмечали, что дети любили военные игры и военные занятия. В Лисинской

колонии, Харьковском приюте были созданы даже свои пожарные команды из числа воспитанников. Причем это не было игрой: известны даже случаи, когда им приходилось участвовать в тушении пожаров в местных селениях. И воспитанники проявляли себя наилучшим образом, действовали грамотно и слаженно — им удавалось потушить пожары, уберечь имущество владельцев от гибели.

Как показывает изучение документов, в воспитании своих питомцев в заведениях активно использовались возможности местного ландшафта, окружающей природной среды. Здесь проводились экскурсии, прогулки, дальние походы.

Одним из важных средств воздействия на личность несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в исправительных заведениях, являлось элементарное образование. Ведение занятий в школе обеспечивалось по-разному.

Педагоги старались пробудить в своих учениках интерес к учению, любознательность, самостоятельность мышления. Для этого в преподавании применялся исследовательский (проблемный) метод. В целях наглядного преподавания в заведениях использовались географические карты, атласы, глобусы, различные коллекции, чертежи, модели машин, приборы. Для того времени это было неплохим оснащением учебного процесса в школе.

Диссертант отмечает, что исправительные заведения не были оторванными от веяний и течений, свойственных времени. Увлечение техникой, стремление к постижению технической грамоты, безусловно, нашло отражение и в организации обучения в исправительных заведениях. Здесь, с точки зрения автора, нашло отражение стремление педагогов исправительных заведений строить преподавание в соответствии с требованиями и достижениями современности.

По мнению диссертанта, заслуживает внимание то обстоятельство, что в заведениях учитывалось наличие разноязычных воспитанников. В соответствии с этим в тех заведениях, где были достаточно большие группы, занятия вели на нескольких языках с изучением грамоты господствующих в данной местности языков. Так, например, русскую и польскую грамоту изучали в Варшавских заведениях; русскую, татарскую — в Казанском; разноязычную грамоту изучали в прибалтийских заведениях, некоторых украинских.

Школьное обучение как одно из средств воспитания предусматривалось Уставами всех без исключения заведений. Однако на практике оно организовывалось не всегда и не везде успешно. Известны случаи, когда воспитанники в период пребывания в заведении не научились ни читать, ни писать.

В системе средств воспитания несовершеннолетних правонарушителей важное место занимали обучение ремеслам и труд, которые были определенным образом организованы.

С учетом профиля заведения в нём организовывался и производительный труд воспитанников. Ремесленные работы, выполняемые в заведениях, были многочисленными и разнообразными. Преобладающими были столярно-токарное, кузнечно-слесарное, сапожное, портновское. Из сельскохозяйственных занятий основными были следующие: полеводство, огородничество, садоводство, цветоводство, скотоводство, пчеловодство. Так, например, в Смоленской колонии имелся сад, питомник, парники, теплица, сушилка для овощей, пчельник, в Томской — сад, огород и т. д. Большое многопрофильное хозяйство имелось в Черниговской колонии.

Воспитанники заведений производили различные изделия, причем достигали в этом деле высокого качества. Так, например, в мастерских Киевской колонии изготавливали сельскохозяйственные машины — веялки, плуги, сортировки, в Вологодском приюте — полированные горки, шкафы, столы, комоды, гардеробы и прочую мебель. В Харьковском приюте делали свои заказы университет, институты на изготовление мебели. Кузнечная мастерская Одесского приюта Общества покровительства беспризорным и освобожденным из мест заключения несовершеннолетним была лучшей в городе.

В деле освоения ремесла и сельскохозяйственных умений имелись определенные успехи, о чем свидетельствуют факты участия заведений в практиковавшихся тогда выставках: сельскохозяйственных, ремесленных, кустарных и пр. И на многих из них изделия и продукция заведений удастаивались различных наград и поощрений. Это было и доказательством признания самих заведений, и оценкой труда воспитанников. По мнению соискателя, важным в этом является то, что исправительные заведения были интегрированы в общественную жизнь той местности, где они находились. Участие в выставках давало воспитанникам чувство принадлежности к общей жизни. Они видели признание и одобрение своего труда, что не могло не оказывать своего положительного влияния.

Кроме профессиональных, воспитанники выполняли различные работы по самообслуживанию: сами себе шили и ремонтировали одежду, обувь, заготавливали топливо и продукты, убирали помещения, участвовали в приготовлении пищи, уборке территории заведения и т. п. Таким образом, самостоятельно обеспечивали себе жизнь. Это приучало их к уважению домашнего труда, аккуратности и просто к умению обеспечивать и обслуживать себя.

Однако, несмотря на то, что в организации труда воспитанников, их профессионального обучения имелось немало положительных явлений, здесь было много нерешенных вопросов: 11-часовая и более продолжительность рабочего дня, порой, тяжелые работы, выполнение их в ущерб профессиональному и школьному обучению.

В системе воспитания важное место занимал режим, наказания и поощрения. В заведениях, имеющих устойчивую систему воспитания и хорошо подготовленные кадры, требования режима строились, исходя из педагогического назначения и целесообразности заведений, основывались на филантропических отношениях, при которых вещественные выражения и оформления режима не вызывали озлобления и протеста.

Эволюция взглядов на суть исправительных заведений, на их питомцев, назначение заведений прежде всего находила отражение в режиме заведений. С усилением карательной идеи естественно ужесточался режим, с развитием идей гуманизма режим становился более гуманным, приемлемым и терпимым воспитанниками.

Жизнь в исправительных заведениях для несовершеннолетних правонарушителей строилась в соответствии с распорядком дня, который составлялся директором.

Во многих заведениях старались наладить здоровый и простой быт, который укреплял организм, приспособлявая детей к условиям обычной жизни. Число заведений, где имелись хорошие помещения, было немного. Это были в основном большие, новые заведения, имеющие постоянных и состоятельных покровителей. Другие же заведения находились, порой, просто в бедственном положении, были на грани закрытия. В них и питомцы, и воспитатели жили в тесноте, неудобных зданиях, ветхих и запущенных (например, в Смоленском, Симбирском заведениях), для воспитанников иногда с трудом находились одежда и еда.

В связи с тем, что среди детей были алкоголики, умственно отсталые, психически больные, специалисты поднимали вопрос об участии в работе подобных заведений врачей-психиатров. Однако решить этот вопрос в рассматриваемый период не удалось, неосмотря на те усилия, которые прилагались.

Важным средством воздействия на несовершеннолетних считалась система наказаний и поощрений, которая отличалась большим разнообразием, поскольку законами она не определялась и зависела от усмотрения учредителей. Каждое заведение определяло перечень возможных наказаний своим Уставом. Наиболее распространенным были такие: замечание или выговор, сделанные наедине или публично; запрещение играть; запрещение свидания или переписки с родственниками; лишение прогулок; назначение на хозяйственные работы вне очереди.

К числу строгих наказаний относилось удаление воспитанников, допустивших нарушение, в особое отделение с более строгим режимом содержания на срок от трех дней до одного месяца, а в некоторых случаях — до освобождения. Это было распространено в Тамбовском, Саратовском, Елецком, С.-Петербургском (в 80-х годах), Томском и других заведениях.

Суровым наказанием являлось помещение в карцер. Он мог быть светлым или темным. В ряде заведений (Нижегородском, Вологодском, Ярославском, Киевском, Вятском, Елецком и др.) применялись телесные наказания.

В работе дается анализ практики применения дисциплинарных мер воздействия.

В мерах поощрения было много разнообразия, которое позволяло проявить творчество и различные взгляды учредителей и педагогов на суть исправительного воспитания. К числу самых значимых поощрений Уставы заведений относили условное досрочное освобождение. Наиболее распространенными поощрениями были: запись на особую доску; дарование внешних знаков отличий (галуны, нашивки); допущение к исполнению обязанностей, требующих особого доверия (охрана урожая, выполнение поручений в городе и пр.); отпуск к родителям и родственникам.

В организации и деятельности исправительных заведений активно использовался зарубежный опыт, однако неверно считать, что это было простым подражанием Западу. В России сложилась самостоятельная практика организации работы с несовершеннолетними правонарушителями, включающая национальные особенности, а именно: изучение внутреннего мира подростков, обращение к его душе; связь с природой, окружающим живым миром; предпочтение сельскохозяйственному труду; использование коллективистских форм деятельности; создание воспитывающей среды как системы взаимоотношений; подвижничество организаторов и бескорыстность служения делу и др.

Глава четвертая — «Патронат» — посвящена зарождению, становлению и формированию института патроната как самостоятельной формы социальной адаптации несовершеннолетних различных категорий: подследственных, оправданных по суду, отбывших наказания.

Под патронатом в рассматриваемый период понималось покровительство лицам, вышедшим из мест заключения, различная помощь им. Научная разработка темы патроната началась с 90-х годов XIX столетия. Теоретическая разработка патроната как идеи принадлежит И. Я. Гурлянду. Патронат как деятельность был изучен и теоретически обоснован С. К. Гогелем, Н. Ф. Лучинским, П. И. Люблинским, В. В. Микляшевским, Г. С. Фельдштейном, И. Я. Фойницким.

Общая социальная задача патроната виделась в том, чтобы восстановить нарушенные в результате осуждения общественно-полезные связи. Ее составляющими были задачи ближайшего характера. Они заключались, с одной стороны, в том, чтобы вызвать доверие общества к тюремному «выпущеннику», а с другой, ободрить последнего, внушить ему веру в собственные силы, т. е. в том, чтобы нравственно и материально поддержать в первое время по выходе из мест заключения.

В рассматриваемый период Россия не была изолированным от международной общественности государством. Она принимала активное участие в международном сотрудничестве по многим вопросам борьбы с преступностью, пенитенциарной деятельности, которые обсуждались на Международных пенитенциарных конгрессах, конгрессах патроната, выводы и постановления которых сыграли определенную роль в развитии теоретических основ патроната.

Необходимость патроната над несовершеннолетними впервые была признана Правилами об исправительных приютах 1866 г. Ст. II Правил устанавливала обязанность исправительных заведений в течение определенного срока оказывать помощь «выпущенникам» лишь в принципе, предписывая обеспечивать им «возможное содействие в деле устройства будущности».

В ходе практической деятельности, теоретических исследований специалистами были выработаны общие положения и правила, в соответствии с которыми следовало строить патронатную деятельность. При этом принимались во внимание общие теоретические положения организации тюремного патроната. В развитие теории и практики патроната над несовершеннолетними существенный вклад внесли также Д. Д. Дриль, Ф. Н. Малинин, В. В. Микляшевский, А. Тимофеев и др.

Специалисты отмечали, что особенности организации патронатной деятельности по отношению к несовершеннолетним связаны со своеобразием ее целей и задач.

Цель патроната по отношению к несовершеннолетним состояла в ограждении молодежи от нравственной гибели, развитие способностей к честному труду. Отсюда вытекали задачи, которые, по мнению С. В. Познышева, сводились к тому, чтобы, с одной стороны, путем нравственного влияния удерживать несовершеннолетних на пути честной жизни и укреплять в них стремление жить честным трудом, а с другой, поддерживать и облегчать осуществление этого стремления, так или иначе помогая в добывании заработка.

В теории, как и в практике, существовали разные взгляды на организацию патроната. Одни считали, что он должен носить общий характер (самодеятельно-общественный патронат), другие были за придание ему характера специального (приютский патронат).

Первый тип патроната предполагал возможность его распространения не только на освобождаемых из мест заключения и приютов, но и на бесприютных, бродяг, нищих и пр.

Второй тип специального патроната распространял свое попечительство на несовершеннолетних, вышедших из исправительных заведений. Это предполагало создание специальных учреждений для осуществления такой деятельности.

В результате поисков автором установлено несколько специальных обществ, созданных для целей патроната над несовершеннолетними.

Имеющиеся документы позволяют сделать вывод о том, что в практике патроната над вышедшими из исправительных заведений формировался в основном по типу специального: делом патроната занимались сами исправительные заведения и осуществлялся он только в отношении своих воспитанников. В работе рассматриваются наиболее распространенные виды помощи, которая оказывалась несовершеннолетним.

Как свидетельствуют документы, наиболее последовательно и систематично дело патроната было поставлено в Варшавских исправительных заведениях, Харьковском, Саратовском и Галинском учебно-воспитательном приютах.

Следует отметить, что Общества, созданные с целью патроната над различными категориями несовершеннолетних, в практической деятельности сужали сферу своего влияния и часто тяготели к учреждению приютов, которые становились в конце концов исправительными заведениями для определенной группы детей: беспризорных, подследственных или нищенствующих. И первоначальная цель поддержки вышедших из исправительных приютов как бы растворялась в делах каждодневных. Так было в Москве, Одессе, С.-Петербурге.

В рассматриваемый период имелся опыт создания Обществ патронатного характера при самих исправительных заведениях, но не входивших в их состав и осуществляющих самостоятельное направление деятельности. Автором установлено два таких общества. Это учрежденное С.-Петербургским обществом патроната «Попечительство о малолетних, вышедших из С.-Петербургской земледельческой колонии» и «Общество попечения над бывшими воспитанниками Московского городского Рукавишниковского приюта».

Несовершеннолетние, вышедшие из исправительных заведений, могли получить помощь и в обществах общетюремного патроната.

Цели каждого из них определялись по-разному, но в общем виде сводились к стремлению оказать содействие отбывшим наказания, в том числе и несовершеннолетним, в устройстве быта, возвращении к честной жизни. Так, например, распространяли свою деятельность и на несовершеннолетних Нижегородское, Гомельское, Ростовское-на-Дону, Киевское и другие общества патроната.

По различным источникам диссертантом установлено более 100 таких обществ, хотя с точностью сказать, в каком объеме и каждое ли из них уделяло внимание несовершеннолетним, вышедшим из исправительных заведений, не представляется возможным. Поэтому это отмечается лишь как факт.

Патронатная деятельность в России в рассматриваемый период строилась в соответствии с локальными нормативными актами. Как приютский, так и самодеятельно-общественный патронат были организованы на основании требований, изложенных в соответствующих уставах: Уставах исправительных заведений и Уставах обществ патроната или иных обществ, имеющих своим назначением осуществление патроната.

В 1908 г. был принят нормативный акт, регулирующий деятельность всех обществ, так или иначе осуществляющих патронат,— «Нормальный устав общества покровительства лицам, освобождаемым из мест заключения (патроната)».

Принятый Нормальный Устав служил образцом, трафаретом для Уставов вновь создаваемых обществ, которые могли вносить в него дополнения, а могли принять целиком предложения без изменений. В Нормальном Уставе определялись цели деятельности обществ патроната, их состав, средства общества, управление делами, правила открытия и закрытия обществ.

В ст. 3 этого нормативного акта определялся круг лиц, которые могли приниматься под покровительство. Примечательно, что общества, в соответствии с этой статьей, распространяли свое влияние не только на лиц, вышедших из мест заключения, но и на условно досрочно освобожденных лиц, оправданных по суду, и тех из содержащихся под стражей, в отношении которых прекращено уголовное преследование или которые были освобождены от наказания. Устав предусматривал покровительство и семействам содержащихся под стражей, и ссыльных.

В ст. 5 содержался перечень способов оказания помощи лицам, состоящим под покровительством обществ: снабжение одеждой, пищей, рабочими инструментами, выдача ссуд и денежных пособий; содействие в помещении в приют, больницы, школы, убежища и пр. Причем этот перечень не был закрытым, что предполагало широкое толкование нормы, разнообразие и творчество в правоприменительной деятельности. Этот же принцип «мягкой» правовой регламентации деятельности применен и при конструировании нормы, касающейся средств общества.

Нормальный Устав обществ патроната был дополнен законом об условном досрочном освобождении (22 июня 1909 г.) в части, касающейся работы с условно досрочно освобожденными. Так, статьей 5 закона определялось, что вопрос об условно досрочном освобождении мог возбуждаться членами местных обществ патроната.

Желая привлечь внимание широкой общественности к делу патроната, Главное Тюремное Управление 1 ноября 1911 года учредило для всех существующих в империи обществ патроната однообразный значок, право ношения которого предоставлялось за заслуги, оказанные развитию дела патроната.

На укрепление материального положения обществ был направлен закон о государственной помощи обществам патроната (24 декабря 1912 года).

В начале XX века патронатная деятельность получила еще одно направление: организация приютов, убежищ, школ для подсудимых и подследственных несовершеннолетних, создание детских судов. Важное значение для развития этой деятельности имели принятые законы.

Шаги, предпринятые государством к нормативному регулированию деятельности обществ патроната, оказание им помощи и поддержки, способствовали активизации их деятельности, формированию на этой основе самостоятельного института социальной адаптации несовершеннолетних, связанных с Главным тюремным управлением противоправным поведением или его последствиями.

В ходе развития этого института наметились определенные тенденции, обеспечивающие успех дела: участие здоровых общественных сил, находящихся вне пределов исправительного заведения, в социальной реабилитации, что давало воспитанникам уверенность в собственной значимости, осознание собственной необходимости как члена общества; индивидуализация работы через посредство попечителей; систематичность ее и др.

В ходе практической деятельности под влиянием активного общественного движения в середине XIX — начале XX в. сформировались правовые, организационные и педагогические основы этого института.

Изученный опыт показывает важность и роль правильной организации социальной помощи (как вышедшим из специальных заведений, так и подследственным, и оправданным по суду несовершеннолетним), которая имела своим назначением восстановление утраченных социальных связей, содействие в обретении собственного социального статуса.

Изученный опыт свидетельствует о том, что по всем направлениям деятельности исправительные заведения находились в тесной связи с местным населением, учреждениями образования, культуры. Как воспитанники, так и представители общественности имели возможность беспрепятственного общения, находились в тесном взаимовлиянии, что снижало отрицательный эффект изоляции, не допускало концентрации асоциальных воззрений и соответствующей поведенческой реакции. Несмотря на ряд упущений и недостатков в этой деятельности, в целом к ней нельзя не относиться положительно.

Своими успехами исправительные заведения были обязаны энтузиастам, русским общественным деятелям, ученым разных направлений, многие из которых были настоящими новаторами и подвижниками этого необходимого большого и важного дела. Они показывали примеры творческого подхода к делу органи-

зации, деятельности специальных заведений для несовершеннолетних, работали над развитием правовых, организационных и педагогических основ деятельности исправительных заведений, патроната, искали наиболее эффективные формы и методы практической деятельности, осуществляли ее.

Имена многих из тех, кто посвятил себя разработке и апробированию на опыте основных положений, связанных с деятельностью исправительных заведений, к сожалению, не нашли еще должного отражения в литературе. Это: М. С. Антипович, П. И. Астров, Е. М. Баранцевич, М. П. Беклешов, П. Г. Бельский, А. М. Богдановский, К. А. Виноградов, Н. П. Гармашов, И. Я. Герд, А. Я. Герд, М. Н. Галкин-Врасский, С. К. Гогель, Л. К. Гоняк, И. М. Дюмидов, Д. А. Дриль, М. В. Духовской, Н. И. Егоров, Е. Ф. Залого, Н. М. Казаринов, А. Ф. Кистяковский, В. Д. Королев, В. А. Кочетов, Д. В. Краинский, М. И. Красовский, Н. А. Кремлев, В. М. Левитский, Ф. Н. Малинин, С. А. Мартынов, Л. И. Матвеева, Э. Э. Маттерн, В. В. Микляшевский, Н. А. Окунев, И. Г. Певнев, П. Л. Петров, Н. В. Рукавишников, К. В. Рукавишников, Н. К. Рукавишников, Ф. Н. Савенко, Н. С. Таганцев, Н. Г. Тальберг, Д. Г. Тальберг, И. Т. Тарасов, И. М. Тютрюмов, А. Д. Ушинский, Э. Ф. Файст, Г. С. Фельдштейн, В. М. Шевелкин и др.

Анализируя накопленный в середине XIX — начале XX века передовой опыт деятельности исправительных заведений, не следует, конечно, идеализировать его и существующих в то время положений. Известно, что наряду с лучшими заведениями имелись и другие, где уровень организации и деятельности был очень низким. Неблагоприятная объективная обстановка, часто оторванность местных властей от интересов и запросов заведений, вялость и неповоротливость государственных структур, скованных отсутствием материальных средств, специалистов, не могли не отразиться на жизни и работе многих заведений.

Одной из главных причин многочисленных неудач в деятельности заведений было отсутствие подготовленных кадров, необходимой материальной базы.

Несмотря на острую потребность в кадрах, вопрос об их специальной подготовке так и не был разрешен. Не нашли практического разрешения и многие другие вопросы правового, организационного и педагогического характера. Основная причина этого заключалась, на взгляд диссертанта, в том, что ростки нового приходилось пересаживать на бесплодную почву безденежья и материального оскудения.

И все же, несмотря на имевшие место недостатки, негативные стороны, низкий уровень организации в развитии и деятельности ряда исправительных заведений, подчеркивается, что в целом это был продуктивный и плодотворный процесс, направленный на выработку правовых, организационных и педа-

гогических основ деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних.

История развития исправительных заведений показывает, что в ходе осуществления Судебных реформ определился особый подход к организации работы с несовершеннолетними правонарушителями. В 1914 году в России наметились и частично сформировались основные ее направления, включающие особые институты уголовной юстиции, отдельное содержание под стражей с использованием основных средств исправления и перевоспитания, отлучение подростков от этапного следования, организацию специальных заведений исправительного воспитания, самостоятельный институт социальной помощи вышедшим из заведений, подследственным и оправданным по суду несовершеннолетним, правовое регулирование этой работы. Целостный анализ государственной политики и общественной деятельности в области превенции применительно к несовершеннолетним позволил понять социальный, политический и экономический механизмы взаимодействия государства и общества в этом деле.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования, намечаются возможные перспективы дальнейшего исследования проблемы изучения, научного осмысления имеющегося опыта исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, делаются выводы и предложения.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о возможности и необходимости использования отечественного опыта организации исправления несовершеннолетних осужденных, рецепции некоторых правовых норм и внести соответствующие предложения и рекомендации.

1. В основе создания и развития исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России лежали гуманистические идеи отделения несовершеннолетних от взрослых преступников с целью предотвращения от разлагающего тюремного влияния и за счет этого рекрутирования новых сил в ряды рецидивистов.

Учитывая сохранившуюся актуальность предохранения несовершеннолетних от негативного влияния взрослых преступников и самой «тюремной» атмосферы, автор предлагает:

а) создать специальные учреждения для временного содержания в них несовершеннолетних подследственных, подсудимых и осужденных (до вступления приговора в силу);

б) исключить из практики перемещение несовершеннолетних этапным порядком;

в) использовать зарубежный и отечественный, имевшийся в начале века опыт особого судопроизводства по делам о несовершеннолетних и на его основе ввести в современную практику специальные суды для них.

2. Изучение причин рецидивной преступности среди несовершеннолетних показывает, что к числу причин, способствующих этому, относится то состояние неопределенности, социальной незащитности и беспомощности, в котором оказываются осужденные к мерам, не связанным с лишением свободы, и освобожденные из ВТК. Заслуживает внимание тот факт, что в настоящее время трудно определить государственные и общественные организации, которые способны оказывать реальную социальную поддержку указанным лицам. Отсутствует нормативная база, которая позволяла бы исполнительным органам власти принимать необходимые решения.

Изучение и анализ отечественного опыта организации социальной адаптации несовершеннолетних показывают, что для организации такой деятельности необходимы и соответствующая нормативная база, и специальные организации, способные заниматься непосредственной деятельностью в этом направлении и организующие координацию ее.

Очевидно, что в настоящее время в вопросах организации социальной помощи несовершеннолетних, освобожденных из ВТК, отсутствует взаимосвязь между различными органами и организациями, которые могли бы ее осуществлять.

В этих условиях координирующая роль в обеспечении связи между исполнительными органами, ВТК и другими организациями могла бы выполнять Межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних, созданная при Правительстве РФ, как наиболее близко стоящая ко всем участникам сложного процесса социальной адаптации несовершеннолетних, освобождаемых из ВТК.

Соответственно этому предлагается включить это направление в круг обязанностей упомянутой комиссии и включить в ее состав представителей органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних.

3. В целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, дальнейшей гуманизации исполнения наказания в виде лишения свободы, усиления воспитательного воздействия, ограждения их от отрицательного влияния взрослых правонарушителей и предупреждения рецидивной преступности внести дополнения в закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления».

4. 1 ст. 31 дополнить следующими словами: «Несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые содержатся под стражей в воспитательно-трудовых колониях в специально оборудованных помещениях и в центрах временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей милиции общественной безопасности».

4. Внести дополнения и изменения в проект «Уголовно-исполнительного кодекса РФ»*.

Ст. 68. Места исполнения наказания в виде ареста дополнить словами: «Несовершеннолетние, осужденные к аресту, отбывают по месту осуждения в центрах временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей милиции общественной безопасности».

Ст. 69. Порядок и условия исполнения наказания в виде ареста дополнить словами: «Осужденные к аресту несовершеннолетние мужского и женского пола, а также ранее отбывавшие наказания в местах лишения свободы, размещаются раздельно».

Ст. 71. Меры поощрения и взыскания, применяемые к лицам, осужденным к аресту, дополнить словами «(2) а несовершеннолетние — на срок до 7 суток».

Ст. 111. Меры поощрения, применяемые к осужденным. В п. 5 слова: «разрешение на дополнительный разговор по телефону» исключить.

Ст. 92. Телефонные переговоры осужденных. П. 1 изложить в следующей редакции: «Осужденные имеют право на ежемесячные телефонные разговоры до 15 минут каждый». Далее — по тексту п. 3 — исключить.

Ст. 93. Приобретение и хранение осужденными литературы и письменных принадлежностей пп. 4, 5 — исключить.

Ст. 132. Меры поощрения, применяемые к осужденным п. 2 изложить в следующей редакции: «предоставление права на выход за пределы колонии в сопровождении родителей, близких родственников или иных благонадежных лиц».

Ст. 134. Меры взысканий, применяемые к осужденным п. 2 дополнить словами: «лишение права на участие в культурно-массовых, спортивных или зрелищных мероприятиях».

Ст. 135. Порядок применения мер взыскания к осужденным п. 1 дополнить словами: «Осужденные, водворенные в дисциплинарный изолятор, не лишаются права пользоваться учебной, общественно-политической, специальной (по профессии), художественной литературой, журналами, газетами»

п. 3 дополнить словами: «Осужденные, водворенные в дисциплинарный изолятор без вывода на работу, обеспечиваются ею непосредственно в изоляторе».

Осужденные, водворенные в дисциплинарный изолятор без вывода на учебу, изучают школьные предметы под руководством учителя по индивидуальному плану непосредственно в изоляторе».

Ст. 136. Должностные лица, применяющие меры поощрения и взыскания п. 4 дополнить словами: «лишение права на уча-

* Уголовно-исполнительный кодекс РФ (проект) // Юридический вестник, 1995. № 3—5. С. 5—28.

стие в культурно-массовых, спортивных или зрелищных мероприятиях в выходные и праздничные дни»;

п. 5 дополнить словами: «3) лишение права на просмотр очередного кинофильма;

4) лишение права на участие в культурно-массовых, спортивных или зрелищных мероприятиях в выходные дни»

п. 6 дополнить словами: «Осужденные, лишенные права просмотра кинофильма, участия в культурно-массовых, спортивных или зрелищных мероприятиях, могут заниматься личными делами по своему усмотрению под контролем воспитателя».

Ст. 169. Оказание помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания (2) дополнить словами: «...обеспечиваются неформенной одеждой и обувью за счет федерального бюджета».

6. Отечественной практикой организации дела исправительного воспитания был рожден вывод о необходимости специальной подготовки учителей-воспитателей, мастеров и даже «дядек» (надзирателей) для работы с несовершеннолетними. Учитывая, что проблема подготовки кадров для работы с несовершеннолетними правонарушителями остается актуальной на протяжении десятилетий, представляется целесообразным в одном из учебных заведений МВД РФ организовать подготовку специалистов для работы с несовершеннолетними правонарушителями: инспекторов ИДН, воспитателей и инспекторского состава ВТК, центров временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, следователей по делам с участием несовершеннолетних.

На базе таких учебных заведений возможно и осуществление переподготовки, и повышение квалификации специалистов для этой работы.

7. В решении задач профессиональной подготовки любой области важное место занимает изучение истории профессии, дела, которым человек намерен заниматься в качестве основного. Это дает возможность увидеть, понять свое государственное и социальное предназначение, подготовиться к своей деятельности, разобраться в возможных противоречиях и негативных явлениях. Исторический подход к изучению профессиональной деятельности позволяет лучше понять современные проблемы. В существующей практике подготовки специалистов в учебных заведениях МВД РФ именно этому звену — истории профессии — уделяется факультативное внимание.

Исследование показало необходимость и перспективность разработки истории органов, исполняющих наказания; истории пенитенциарного дела и истории пенитенциарной педагогики и психологии, как самостоятельных дисциплин учебных заведений МВД РФ. Их изучение будет способствовать фундаментальности знаний слушателей, формированию профессионально значимых качеств личности, профессионального мышления.

8. Накопленный в середине XIX — начале XX века опыт огромен. Многие из теоретических положений уголовно-правовой, пенитенциарной науки, педагогики и психологии нуждаются в изучении, современной оценке и творческом использовании. Это предполагает его научное осмысление и обработку. В связи с этим видится необходимым учреждение авторских коллективов для создания учебников по истории органов, исполняющих наказание, истории пенитенциарного дела и истории пенитенциарной педагогики и психологии, истории уголовно-исполнительного права.

9. Сложившиеся стереотипы негативной оценки, игнорирования или простого отрицания опыта исполнения наказания в середине XIX — начале XX в отношении несовершеннолетних не позволяют пока глубоко изучить и творчески применить его, что существенно обедняет отечественную теорию и практику.

В связи с этим представляется целесообразным проведение специальных исследований по различным научным направлениям в области обобщения, систематизации, анализа, пропаганды исторического опыта, применение которого возможно в современных условиях.

Положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих научных публикациях автора:

1. О некоторых психологических особенностях личности несовершеннолетних правонарушителей / Сб. Тезисы докладов и сообщений межведомственной научно-практической конференции. — М.: АПН ССР, 1970. 0,8 п. л. (в соавт.).

2. Интересно и с пользой // К новой жизни, 1974. № 8. 0,4 п. л.

3. Планирование воспитательной работы с осужденными в отделении // Информационный бюллетень УВД Белгородского облисполкома, 1982. № 17. 0,3 п. л.

4. Труд воспитателя // Воспитание и правопорядок, 1983. № 9. 0,3 п. л.

5. О профессиональной подготовке воспитателей ВТК / «Вопросы подбора, обучения и воспитания кадров в органах внутренних дел»: Сб. научных трудов. — М.: Академия МВД СССР, 1984. 0,4 п. л.

6. О дневниках индивидуальной работы с осужденными несовершеннолетними, содержащимися в ВТК / «Проблемы совершенствования административных методов управления органами внутренних дел»: Сб. научных трудов. — Киев: КВШ МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1984. 0,5 п. л.

7. Повышение профессионального мастерства воспитателей путем самообразования / «Вопросы организации воспитательной работы с осужденными в воспитательно-трудовых колониях»: Сб. трудов ОВТК МВД СССР, ВНИИ МВД СССР. — М., 1988. 0,5 п. л.

8. Помогать народу — долг всех нас... / Воспитание и правопорядок, 1989. № 6. 0,5 п. л.

9. Особые суды по делам несовершеннолетних в России // Социалистическая законность, 1990. № 11. 0,3 п. л.

10. Роль правосознания и нравственности в создании правового государства / «Проблемы формирования общественного сознания в условиях современной идеологической ситуации»: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции в г. Белгороде, 14—15 ноября 1989 г., ч. 1. 0,3 п. л.

11. Отечественный опыт патроната над несовершеннолетними / Организационно-управленческие и психолого-педагогические аспекты деятельности ИТУ»: Межвузовский сборник трудов.— Уфа: Уфимская ВШ МВД РФ, 1994. 0,4 п. л.

12. Об организации профессиональной подготовки специалистов для работы с несовершеннолетними правонарушителями / «Организационно-управленческие и психолого-педагогические аспекты деятельности ИТУ»: Межвузовский сборник научных трудов.— Уфа: Уфимская ВШ МВД РФ, 1994. 0,4 п. л.

13. Из истории развития и реформ уголовного права / «Конституция Российской Федерации: проблемы совершенствования законодательства в области охраны прав и свобод человека и гражданина, организации и деятельности правоохранительных органов»: Доклады и сообщения региональной научно-практической конференции, 26 мая 1994 г.— Белгород: Белгородская ВШ МВД РФ, 1995. 0,5 п. л.

14. Международной Союз криминалистов и его русская группа (из истории развития и реформ уголовного права и пенитенциарного дела) // Труды Академии МВД РФ. 1 п. л. (в печати).

15. Социальная адаптация лиц, освободившихся из мест заключения: к истории вопроса // Труды Академии МВД РФ. 0,5 п. л. (в печати).

16. Стаповление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России.— М.: Академия МВД РФ, 1995, 6 п. л.

17. Патронат в России (теория и практика реализации): Учебное пособие.— М.: Академия МВД РФ. 10 п. л. (в печати).

18. «Отклоняющееся поведение как социальное явление»: Библиографический сборник литературы по вопросам алкоголизма и пьянства, бродяжничества, нищенства, проституции, порнографии и наркомании.— М.: Академия МВД РФ. 7,5 п. л. (в печати).

19. «Несовершеннолетние правонарушители и учреждения для их исправления в России в середине XIX — начале XX века»: Библиографический указатель литературы, изданной до 1917 г.— М.: Академия МВД РФ. 5 п. л. (в печати).

БЕЛЯЕВА Лариса Ивановна

Корректор А. А. Степанова

Подписано в печать 10.10.95.

Усл.-печ. л. 4,42.
Тираж 130 экз.

Уч.-изд. л. 4,1.
Заказ 226

Типография Академии МВД России, Москва

7-03 63

8243